

Вэй Линь совершенно не одобрял столь безрассудный поступок — привезти человека в лагерь таким образом. В своем письме он обрушился на сына сокрушительной критикой, но, закончив попрекать его, все же выполнил просьбу и провел расследование по двум описанным случаям.

Согласно донесениям людей, которых отправил Вэй Линь, дело касалось не только города Луаньчэн: в окрестных крупных округах и префектурах за последние годы не наблюдалось внезапного упадка ни у одного торговца лекарствами, равно как и среди влиятельных кланов.

В письме Вэй Линь также упомянул одну деталь, которая глубоко поразила Вэй Яня.

Ходили слухи, что в придворных делах Жаньина в последние годы царит беспокойствие. По словам Вэй Линя, внезапное начало военных действий со стороны Цанчуаня было вызвано не только нехваткой ресурсов внутри самого государства и острой необходимостью расширения территорий — велика вероятность, что в этом замешаны высокопоставленные чиновники двора Жаньина, совершившие предательство ради личной выгоды. Если это так, то можно почти наверняка утверждать: в рядах Армии Чжэньбэй затесался шпион.

Вэй Линь подозревал, что Чэнь Цзыму, использовавший предлог, чтобы проникнуть в военный лагерь, возможно, является одним из сторонников мятежа. В таком случае его сближение с Вэй Янем и даже инициатива в лечении раненых ради завоевания их расположения обрели логический смысл.

Вэй Янь лишь бегло просмотрел последующие догадки о личности Чэнь Цзыму, не вчитываясь в детали, и в следующее мгновение хрупкий лист бумаги был смят в его кулаке.

Предательство родины.

Положения двух стран были разными: Цанчуань упорно шла в наступление, и солдатам Жаньина не оставалось ничего другого, кроме как принять бой — иного выбора у них не было. Но он никак не ожидал, что за этим стоит борьба за власть, когда ради удовлетворения собственных амбиций люди не гнушаются предавать страну, развязывая войны.

Вспоминая тысячи воинов, павших в ходе прошлых сражений, Вэй Янь лишь хотел схватить этих предателей и шпионов, чтобы раздробить их тела на мелкие части.

Что же касается Чэнь Цзыму... Вэй Янь обернулся и посмотрел на мужчину, который все еще крепко спал.

Как бы отец ни анализировал ситуацию, он по-прежнему придерживался своего первоначального суждения: он верил, что Чэнь Цзыму не замышляет против него зла и уж тем более не станет предателем. Однако, исполняя свой долг генерала, он не мог позволить противнику получить доступ к важной военной информации.

Теперь можно было с уверенностью сказать, что личность Чэнь Цзыму была ложной. Если он не шпион, проникший в лагерь, и не смертник, подсланный Цанчуанем для убийства военачальников, то кем же на самом деле был этот человек и какова его истинная цель?

Все это оставалось загадкой.

###

Когда Чэнь Цзыму проснулся, он первым делом увидел Вэй Яня, который стоял у края кровати и пристально смотрел на него.

— Я снова проспал?

— Нет, это я сегодня вернулся пораньше, — Вэй Янь взял лежавшую рядом стопку сложенной одежды. — Я попросил домашних приготовить тебе несколько комплектов, примерь, подходят ли они по размеру.

Чэнь Цзыму принял одежду, но не спешил ее надевать. Он слегка приподнял голову и молча смотрел на Вэй Яня какое-то время, чутко уловив сегодня его необычное настроение, и невольно спросил:

— Генерал, вас сегодня что-то беспокоит?

Сказав это, он почти мгновенно осознал неуместность вопроса:

— Простите, Цзыму перешел границы.

— Ничего страшного, — Вэй Янь покачал головой; в его голосе не было желания упрекнуть, но он и не стал объяснять свое состояние, лишь добавил:

— Сначала примерь одежду, а потом пойдем поедим.

Взгляд Чэнь Цзыму потемнел. Краем глаза он заметил в угольной жаровне у подножия кровати обрывки недогоревшей бумаги. Только что Вэй Янь сказал, что одежду прислали из дома — значит, сегодня он получил письмо из Резиденции великого генерала.

Что же заставило Вэй Яня разгневаться настолько, что он не смог скрыть эмоций? Было ли это действительно связано с военными делами или... с ним самим?

Перебирая одежду в руках, Чэнь Цзыму с легким колебанием спросил:

— Генерал, не могли бы вы ненадолго отлучиться? Цзыму не мылся уже несколько дней, я хотел бы немного привести себя в порядок, прежде чем переодеться в нижнее белье.

— Твоя простуда только что прошла, я принесу таз горячей воды.

С этими словами Вэй Янь вышел из шатра и вскоре вернулся, неся большую часть таза горячей воды. Он поставил его у кровати, подлил немного холодной воды, которая стояла в шатре, проверил температуру и, убедившись, что она подходящая, поставил вещи на место:

— Готово. Я подожду тебя снаружи.

Глядя на то, как Вэй Янь заботливо все подготовил, Чэнь Цзыму тихо произнес:

— Благодарю вас, генерал.

Отношение Вэй Яня к нему, казалось, не изменилось. Чэнь Цзыму не стал искать в остатках бумаги скрытый смысл. Он снял одежду и начал медленно обтирать тело полотенцем, смоченным в воде.

Хотя температура воды была комфортной, из-за холода в шатре его тело все равно непроизвольно била дрожь. Но именно этот холод помогал его мыслям стать яснее.

Раз Вэй Янь отправил письмо домой, чтобы тот подготовил одежду, значит, он обязательно упомянул о нем. Чэнь Цзыму с детства рос в императорской столице, и его луаньчэнский

акцент был слишком явным, чтобы его можно было подделать. Учитывая внимательность Вэй Яня и строгость Вэй Линя, они наверняка уже провели расследование и обнаружили, что в Луаньчэне нет семьи с подобными описаниями.

Но Вэй Янь больше ничего не спрашивал. Было ли это проявлением доверия или же в его сердце уже укоренилось убеждение, что Чэнь Цзыму не говорит правды, и любые расспросы лишены смысла?

В душе Чэнь Цзыму снова вспыхнуло желание раскрыть свою истинную личность, но разум в итоге взял верх.

Он верил, что Вэй Янь не предаст родину, и верил в верность нескольких поколений семьи Вэй, но он не осмеливался ставить на кон всё Царство Жаньин.

Более того, в каком-то уголке его сердца таился страх: страх того, что как только его истинное «я» предстанет перед Вэй Янем, расстояние между ними станет еще больше...

В конце концов, когда Чэнь Цзыму переоделся и вышел из шатра, он так и не нашел подходящего ответа на эти вопросы.

Он откинул полог шатра и увидел, что снаружи неизвестно когда начался снегопад. Мужчина стоял спиной к нему, опираясь на масляный зонт и отрешенно глядя на снежинки, скопившиеся на крышах далеких шатров.

— Одежда подошла, спасибо за заботу, генерал.

Услышав голос Чэнь Цзыму, Вэй Янь обернулся. Нежно-голубая фигура возникла перед его глазами, и в это мгновение кружащийся снег и далекие отблески заката словно померкли.

Вэй Янь всегда знал, что Чэнь Цзыму красив — от того первого мимолетного взгляда при встрече до ежедневного восхищения в те моменты, когда он открывал глаза по утрам, — но ничто не могло сравниться с тем потрясением, которое он испытал сейчас.

Чэнь Цзыму носил длинный халат цвета небесной лазури с какой-то ленивой элегантностью. Черные, словно шелк, волосы рассыпались по плечам, а кожа, белая, как чистейший нефрит, подчеркивала изящество его черт, делая их еще более выразительными. Павшие на макушку снежинки казались самым подходящим украшением: добавь еще немного — и будет слишком ярко, убери — и станет скучно.

В этот миг Чэнь Цзыму был прекрасен, словно не принадлежал миру смертных, будто истинный небожитель, спустившийся на землю вместе с падающим снегом.

Вэй Янь долго смотрел на него, не отрываясь, и лишь потом вспомнил о зонте. Он неловко кашлянул и сказал:

— На улице холодно, почему ты не надел меховую накидку?

Чэнь Цзыму заметил реакцию Вэй Яня и улыбнулся:

— Хотел, чтобы вы сначала посмотрели.

— Эта одежда... тебе очень идет, — возможно, поддавшись его словам, Вэй Янь произнес это быстро и серьезно. Сказав это, он смутился, передал зонт в руки мужчины и поспешно

вернулся в шатер, чтобы принести ему верхнюю одежду.

Чэнь Цзыму остался один, тихо посмеиваясь. За те несколько месяцев, что он провел в военном лагере, он, если считать честно, обрел больше моментов истинного счастья, чем за все свои двадцать с лишним лет жизни во дворце.

Вскоре Вэй Янь вернулся с белоснежной кроличьей шубой. Он не позволил мужчине шевелиться, а сам встал позади и накинул ее на его плечи.

Эта шуба тоже была заказана Вэй Янем у домашних; она была сшита из лучших материалов. Тяжелая меховая одежда надежно защитила от холода, и Чэнь Цзыму сразу стало тепло.

###

После ужина они под одним зонтом медленно пошли назад по заснеженной тропе. Чэнь Цзыму то и дело опускал взгляд, и когда он чуть не столкнулся с патрульным солдатом, Вэй Янь не выдержал и притянул его к себе:

— Ты совсем не смотришь под ноги, всё время в землю уткнулся. Что ты там высматриваешь?

— Кажется, сегодня ваша нога не беспокоит вас, генерал.

На границах всегда было холодно и много снега. Раньше, хоть Вэй Янь и не говорил об этом, Чэнь Цзыму видел, что болезнь ног дает о себе знать, но сегодня, при внимательном наблюдении, он не заметил ничего необычного.

Услышав слова Чэнь Цзыму, Вэй Янь замер. Если бы тот не упомянул об этом, он и сам не заметил бы — из-за снегопада боли действительно не было, исчезла даже та легкая колющая боль, что сопровождала его всю зиму.

— И правда, никакой боли, — на лице Вэй Яня промелькнуло удивление, смешанное с радостью. — Неужели совсем прошло?

Чэнь Цзыму тоже был рад в душе, но внешне сохранял строгость:

— У вас крепкое телосложение, генерал. Судя по срокам, курс лечения должен был закончиться. Однако, полностью ли вы выздоровели, можно будет сказать только после детального осмотра, когда вернемся.

Вернувшись в шатер, Чэнь Цзыму снял шубу и жестом пригласил Вэй Яня сесть за стол, а сам сел напротив, чтобы прощупать его пульс.

Чувствуя прохладу пальцев на своем запястье, Вэй Янь ощутил странное, необъяснимое чувство спокойствия.

<http://bllate.org/book/17724/1656777>